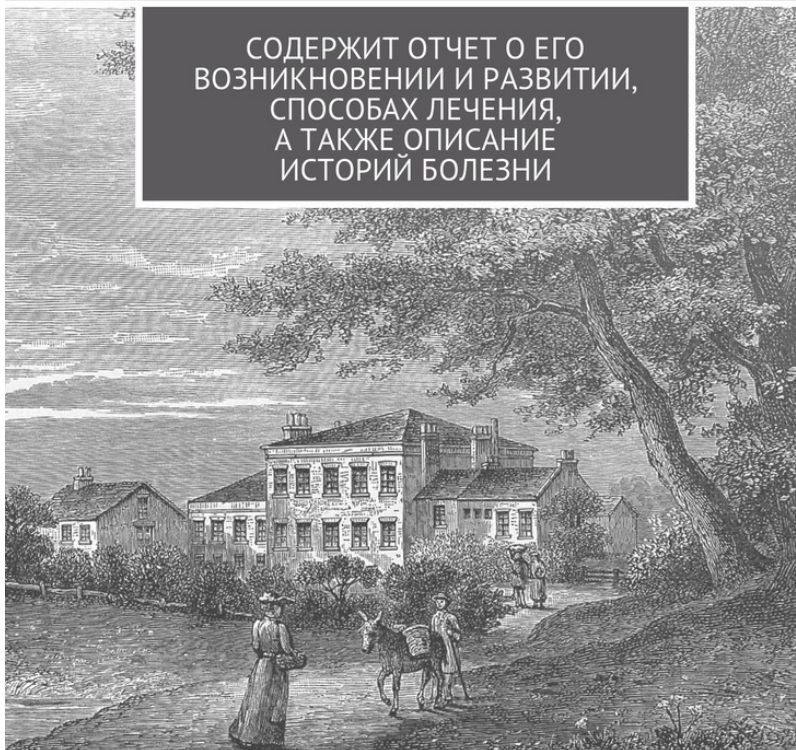

СЭМЮЭЛЬ ТЬЮК

ОПИСАНИЕ РЕТРИТА
заведения близ Йорка
для умалишенных
из Общества Друзей

СОДЕРЖИТ ОТЧЕТ О ЕГО
ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ,
СПОСОБАХ ЛЕЧЕНИЯ,
А ТАКЖЕ ОПИСАНИЕ
ИСТОРИЙ БОЛЕЗНИ

Сэмюэль Тьюк
ОПИСАНИЕ РЕТРИТА,
заведения близ Йорка для
умалишенных из Общества
Друзей. Содержит отчет о его
возникновении и развитии,
способах лечения,
а также описание
историй болезни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186536
ISBN 9785449045041

Аннотация

«Описание Ретрита» (1813) – веха в истории мировой психиатрии. В книге впервые предпринята попытка описать психическое расстройство как часть человеческого опыта и выздоровление как процесс реабилитации. В ней обсуждается сложное взаимодействие между человеком с психическим расстройством, теми, кто должен ему помогать, и той средой,

где эта помощь предлагается. Книга радикальна и, судя по воздействию, которое она оказала на понимание и лечение психических расстройств, безусловно революционна.

Содержание

Вступительная статья	9
Введение	21
Жизнеописание	21
Описание Ретрита	26
Йоркский приют для умалишенных	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**ОПИСАНИЕ РЕТРИТА,
заведения близ Йорка
для умалишенных
из Общества Друзей
Содержит отчет о его
возникновении и развитии,
способах лечения,
а также описание
историй болезни**

СЭМЮЭЛЬ ТЬЮК

Переводчик Наталия Наказнюк

Редактор Зинаида Одолламская

Корректор Сергей Грушко

© Сэмюэль Тьюк, 2018

© Наталия Наказнюк, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-4504-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Книга впервые опубликована в 1813 году.

Переведено и опубликовано при поддержке благотворительного фонда The Retreat York Benevolent Fund (Великобритания).

DESCRIPTION
OF
THE RETREAT,
AN INSTITUTION NEAR YORK
For Insane Persons
OF THE
SOCIETY OF FRIENDS.

CONTAINING AN ACCOUNT OF ITS
ORIGIN AND PROGRESS,
The Modes of Treatment,
AND
A STATEMENT OF CASES.

—◆—
By SAMUEL TUKE.

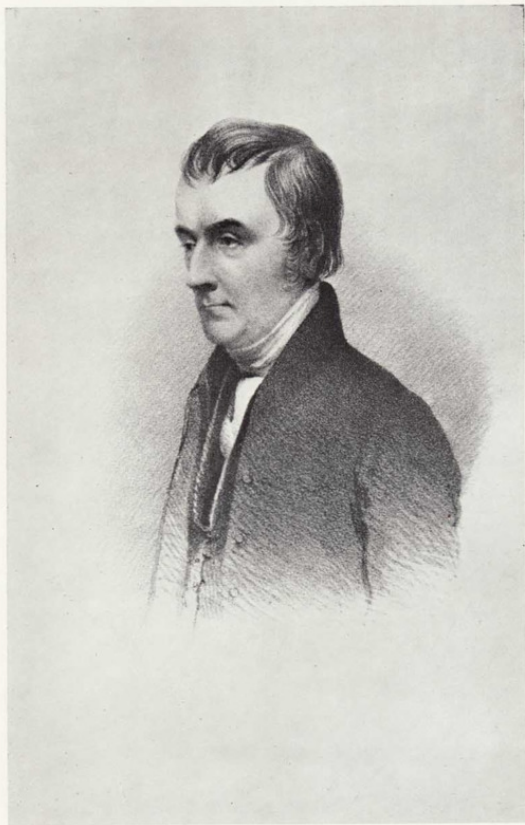
—◆—
With an Elevation and Plans of the Building.

YORK:

PRINTED FOR W. ALEXANDER, AND SOLD BY HIM;
SOLD ALSO BY M. M. AND E. WEBB, BRISTOL:
AND BY DARTON, HARVEY, AND CO.; WILLIAM PHILLIPS; AND
W. DARTON, LONDON.

=====
1813.

Обложка издания 1813 г.

SAMUEL TUKE

Сэмюэль Тьюк

Вступительная статья

Профессор Кэтлин Джонс (1996 г.)

Впервые «Описание Ретрита» Сэмюэля Тьюка было опубликовано в мае 1813 года. Книга была обязательна к прочтению в первые годы существования государственных приютов для умалишенных в Британии. Это была единственная публикация, в которой подробно разъяснялось, как с добротой и человечностью заботиться о психически больных людях. К концу 1830-х годов в печати уже появились отчеты современных врачей, работавших в приютах для умалишенных. Книга Тьюка никогда не увидела второго издания, и мне рассказали, что около сорока лет назад в английских библиотеках оставалось всего лишь пять экземпляров. К счастью, один из них хранился в Ретрите, где я смогла прочитать его под требовательным взглядом портрета Уильяма Тьюка, деда Сэмюэля. Чтение произвело на меня ошеломляющее впечатление. В 1964 году д-р Ричард Хантер и д-р Ида Макалпин оказали огромную услугу психиатрии, опубликовав факсимильное издание, дополненное введением.

Введение было посвящено семье Тьюков, истории написания книги, а также героической истории реформирования Йоркского приюта, в которой семья Тьюков сыграла главную роль. В те годы упомянутые события освещались в общена-

циональной прессе, и это способствовало созданию специального комитета при Палате Общин, заседавшего в течение двух лет и опубликовавшего три больших доклада. В 1815 году Сэмюэль Тьюк привел своего деда, к тому времени старого и слепого, в Палату Общин в качестве свидетеля, и специальный комитет долго и уважительно слушал его. Весь материал широко документирован; но четыре темы могут вполне заслуживать дальнейшего рассмотрения. Каким образом получилось так, что в Ретрите сформировалась система руководства, столь отличная от медицинской практики того времени? Почему Сэмюэль Тьюк написал об этом книгу? Что он имел в виду под «моральным лечением»? И почему книга, содержащая такой богатый материал о передовых методах лечения, не переиздавалась?

Сэмюэль Тьюк пишет о создании Ретрита. Непосредственной причиной к тому послужила смерть «женщины из Общества Друзей» в «заведении для душевнобольных в окрестностях города Йорка». Ее семья жила вдали от Йорка и вверила женщину заботам Друзей [самоназвание квакеров, членов Религиозного общества Друзей, – прим. ред.]. Но когда они попытались навестить больную, им сказали, что она находится «в неподходящем состоянии для встречи с незнакомцами»; а потом она умерла, и обстоятельства ее смерти вызвали серьезные подозрения в жестоком обращении и отсутствии лечения. Сэмюэль Тьюк не упоминает ни ее имени, ни места, где она скончалась, но речь шла о Ханне Миллз и Йорк-

ском приюте. В то время лечение душевнобольных, как правило, было безжалостным и жестоким. Их полагали людьми без разума, а, следовательно, недочеловеками. Даже несчастный король Георг III содержался в боли и унижении, законным в цепи, запуганным и «обессиленным» кровопусканиями, прижиганиями и слабительными. Друзья, с их преданностью идее ненасилия, были глубоко озабочены судьбой Ханны Миллз, но в их планы не входил общественный протест. Их протест был тихим: пример и свидетельство.

В марте 1792 года на ежеквартальном собрании Общества Друзей, хотя и не без некоторых опасений со стороны членов, было согласовано создание нового заведения. Изначально оно предназначалось для «лиц из нашего Общества», хотя вскоре доступ туда был предоставлен лицам, просто заручившимся рекомендацией квакеров. Лечение предполагалось в соответствии с основополагающими принципами Общества, а именно: за пациентами надлежало ухаживать с кротостью и уважением, без издевательств и насилия. Название Ретрит (Убежище) предложила миссис Генри Тьюк, невестка Уильяма, – как «тихую гавань, в которой каждая разбитая ладья может обрести средства к починке или безопасность».

В те времена квакеры были обособленным обществом. Уильям Пенн, опубликовавший отчет о движении в 1811 году, писал о них: «эти презираемые люди называются квакерами». Они не заключали браков «вне Общества». Они дер-

жались в стороне от государственной власти и официальной Церкви, отказывались баллотироваться в Парламент, становиться мировыми судьями и платить десятину. Мало кто из них поступал в учебные заведения для получения профессии. В 1811 году квакеры все еще не могли получить степень в единственных двух университетах Англии: Оксфорд требовал от студентов согласия с «тридцатью девятью статьями», а в Кембридже отказывались присуждать ученую степень диссентерам. Кое-кто уезжал в Эдинбург или Гейдельберг, но для большинства единственно возможной карьерой оставалась коммерция. Они были хорошими, честными негодьями, зачастую очень успешными. Они сохраняли свой скромный, миролюбивый, благоразумный и прозаический жизненный уклад, одинаково не доверяя ни священникам, ни врачам, и шли по жизни своим путем.

В «семейном заведении» Ретрит управляющим стал аптекарь, кроме того там была управляющая женским отделением. Они поженились в 1806 году и тем самым способствовали усилению семейной атмосферы. Уильям Тьюк исполнял роль «отца семейства», а медицинский надзор осуществлял внештатный врач Фаулер, у которого имелся совсем небольшой опыт лечения умалишенных. Это обстоятельство оказалось явным преимуществом, поскольку врач обладал непредвзятым взглядом, и, попробовав кровопускания, прижигания и слабительные, бывшие в то время единственными медицинскими методами, он пришел к тому же

выводу, что и Уильям Тьюк: все эти методы попросту не работают. (Доброта, хорошая еда, бокал вина или портера, занятость и дружелюбие приносили лучшие результаты.) Такой подход был сугубо прагматичным. Они не бросали вызов профессиональной медицине, и у них не было таланта философствовать по поводу того, что они делали. Но они жили в эпоху рационализма. Они верили в то, что их пациенты не были полностью закрыты для рационального мышления. Кроме того, они были глубоко религиозны и полагали, что все мужчины и женщины – дети Господа и обладают «внутренним светом» – инстинктивным пониманием разницы между добром и злом.

Складывается мнение, что Уильям Тьюк всегда думал о возможной публикации. Рабочая документация Ретрита, начиная с даты принятия первого решения на ежеквартальном собрании в марте 1792 года, велась методично, с огромным вниманием к деталям. Все документы и сейчас имеются в наличии – протоколы собраний, планы, счета, списки пациентов с историями болезней, классифицированных по возрасту, полу, дате поступления, дате выписки и по прогнозу, медицинские карты с длинными описаниями поведения пациентов и с отзывами персонала, «Книга посетителей» с записями высокопоставленных посетителей и их реакции на работу заведения. Когда в январе 1811 года Сэмюэль Тьюк впервые прикоснулся гусиным пером к бумаге, в его распоряжении были подробные записи почти за двадцать лет

работы. Ему не нужно было начинать исследование по Ретриту: его главной задачей было кратко изложить содержание имеющихся документов. Возможно, Уильям Тьюк изначально намеревался написать книгу сам, но к тому времени ему было уже за восемьдесят, и он терял зрение. Поэтому книга по наследству перешла к его внуку, члену семьи, чей интерес к предмету практически равнялся его собственному.

Было важно, чтобы книга появилась в печати к 1811 году. Тремя годами раньше Парламент принял Закон о приютах в графствах, предоставлявший местным властям полномочия по созданию государственных приютов для «помешанных» из тюрем и работных домов. Хотя этот акт был всего лишь рекомендательным, в нескольких графствах уже начали разрабатывать планы по их созданию; все приюты для умалишенных в Ноттингемшире, Бедфордшире и Норфолке открылись до 1815 года. Во всех этих приютах управляющими были назначены врачи, потому что не было ни одной другой профессии, на которую можно было бы возложить такую ответственность, и многие пациенты нуждались в медицинской помощи. Они поступали ослабленными – зачастую полуголодные, грязные, искушенные блохами и страдающие от разнообразных нелеченых заболеваний. Настало время изложить опыт работы Ретрита так, чтобы он оказался полезным для персонала новых приютов, и убедил бы представителей медицинской профессии в ценности такого под-

хода.

Сэмюэль Тьюк подошел к выполнению задачи с усердием и умом. Он процитировал всех ведущих врачей-специалистов своего времени в области душевных болезней – Ферриара из Манчестера, Батти из больницы св. Луки, Монро, Хаслама и Кроутера из Бетлема¹. Работы трех последних были поистине мрачным чтением, поскольку они уделяли особое внимание ограничению свободы и жестокости, как средствам «добиться доминирующего влияния на пациентов». Самюэль описывал, что сделано в Ретрите, результаты работы лаконичным, обстоятельным языком, понятным ученым мужам. Он полностью исключил *raison d'être*² всей деятельности: а именно, тот факт, что Ретрит работал, руководствуясь христианскими ценностями и здравым смыслом. Таким образом он избегал замечаний медицинского ведомства и межконфессиональных дискуссий.

Новой системе нужно было дать имя: в тексте видного французского врача доктора Филиппа Пинеля он нашел выражение, которое в переводе звучало как «моральное лечение». По-видимому, сам Сэмюэль Тьюк не читал по-французски, а перевод, к сожалению, оказался в некотором роде неточным. Эта путаница терминов из текста д-ра Пинеля

¹ Бетлем (Бедлам) – официальное название: Бетлемская королевская больница в Лондоне, основана в 1330 году. Название Бедлам стало именем нарицательным, вначале – синонимом сумасшедшего дома, а позже – словом для обозначения крайней неразберихи и беспорядка.

² Разумное основание

в Париже и в книге Тьюка в Йорке существует до сих пор.

В своем трактате³ Пинель использовал термин «*traitement moral*», и переводчик д-р Дэвид Дэниель Дейвис перевел его как «моральное лечение». Дейвис не обладал практическим знанием предмета, со временем он стал гинекологом. Но «моральное лечение» не является точным эквивалентом «*traitement moral*», что буквально означает «лечение через эмоции». Таким образом идея Пинеля значительно отличалась от принципов работы Ретрита.

Пинель был главным врачом и директором двух огромных мрачных парижских больниц – Бисетр и Сальпетриер. Тот факт, что в 1792 году в этих заведениях он снял цепи с некоторых пациентов – именно в том самом году, когда впервые возникли планы по созданию Ретрита – было простым совпадением. Британия и Франция находились в состоянии войны, революция во Франции была в полном разгаре. Пинель действовал по приказу Национального Собрания. Снять цепи было символическим воплощением слов Руссо: «Человек рождается свободным, а между тем всюду он в оковах».

Пинелевское «лечение через эмоции» было гуманистической версией «медицинского морального главенствования»: пациенты должны верить своему врачу, доверять своему врачу, делать то, что говорит врач. Пинеля можно назвать героем. Он работал один на один с некоторыми опасными пациентами, содержащимися, вероятно, в худших приютах Фран-

³ Philippe Pinel, *Traité medico-philosophique sur l'aliénation mentale*, Paris, 1801.

ции. Но его работа сильно отличалась от той, которую вела маленькая религиозная община английского провинциального городка. Ретрит был заведением почти домашним, маленьким и комфортным. Он был в полном смысле этого слова *Обществом*, и при этом Обществом *Друзей*.

Согласно Дэниелю Хэку Тьюку, младшему сыну Сэмюэля и первому из потомков Уильяма Тьюка, ставшему дипломированным практикующим врачом (невзирая на сильное сопротивление семьи), Пинель впервые услышал о Ретрите от доктора Деларива, врача из Швейцарии, посетившего Ретрит в 1798 году. Либо это сообщение не дошло до Пинеля вовремя, чтобы он мог внести изменения в свои комментарии в «Трактате», опубликованном тремя годами позже, либо он не посчитал этот эксперимент, носивший в основном немедицинский характер, достойным упоминания. Хэк Тьюк ясно дает понять, что «ход реформы в лечении душевнобольных в Англии и Франции был совершенно различным и независимым друг от друга».

Интересно, можно ли было избежать путаницы между двумя системами, если бы существительное *traitement* во французском языке было бы женского, а не мужского рода. Столкнувшись с выражением *traitement morale*, д-р Дейвис мог бы тогда понять, что оно обращено к эмоциям, а не к нравственному чувству.

Как бы там ни было, Сэмюэль Тьюк подхватил фразу Дейвиса и назвал систему Ретрита «моральным лечением».

Его книга была опубликована в мае 1813 года. Шесть месяцев спустя Годфри Хиггинс, сквайр и мировой судья Скеллоу Грейндж (Уэйкфилд), начал расследование деятельности Йоркского приюта. В приюте случился пожар, повлекший за собой смерть четырех пациентов. По причине непримиримости д-ра Беста, при поддержке редактора газеты «Йорк Геральд», которому удалось привлечь к решению проблемы судью Хиггинса, а также семейству Тьюков и их сторонников, которые стали попечителями приюта, в очень плохом заведении был наведен порядок, и началось общенациональное движение за проведение реформы.

Д-р Хантер и д-р Макалпин описывают тот энтузиазм, с которым первоначально было принято «Описание Ретрита», положительный отзыв преподобного Сиднея Смита в «Эдинбургском обозрении», влияние системы Ретрита на труды и практику врачей-первопроходцев в приютах Британии и Америки. Затем накал затихает. Первое издание книги было распродано за три года. Шли разговоры о втором издании, но оно так никогда и не случилось.

Ключ к пониманию, наверное, лежит в словах д-ра Джорджа Мэна Барроуза, который писал в комментариях, что он «с сожалением наблюдал столь слабое доверие доброжелательных руководителей к великой силе медицины в большинстве случаев душевных болезней». Врачи из приютов стали специализированной группой внутри медицинской профессии, и связь с системой, в основном не медицинской,

работающей под руководством христианской общины, стала весьма неудобной. Если «моральное управление» было тем же, что и «*traitement moral*», то почему бы не цитировать самого Пинеля? Франция больше не была врагом, и его медицинская профессиональная репутация была безупречна.

Итак, д-р Роберт Гардинер Хилл, упразднивший меры физического стеснения в Приюте Линкольна в 1830-х гг., писал, что «хотел завершить начатое Пинелем». Д-р У. А. Ф. Браун, чья амбициозная работа о прошлом, настоящем и будущем приютов была опубликована в 1837 году, писал: «К сожалению, не в каждой стране имеется свой Пинель». Д-р Барроуз, чей внушительный учебник появился в следующем году, отдал должное целому ряду предшественников – от Гиппократов до Пинеля – но краткое упоминание Ретрита было единственным и содержалось в разделе, озаглавленном «Религиозные контакты». Первый выпуск «Журнала приютов» (*Asylum Journal*), предшественника «Британского журнала психиатрии» (*British Journal of Psychiatry*), в 1853 году в первом же предложении восхвалял Пинеля, а Ретрит не был упомянут вовсе.

Это были дни, когда психиатры занимали оборонительную позицию. Сейчас они обладают общепризнанным солидным положением в медицине и работают в сотрудничестве с другими профессиональными группами. Для них, как и для многих других работников в сфере психического здоровья, может оказаться весьма ценным взгляд на «моральное лече-

ние» в его оригинальной английской трактовке. Уважение к пациентам, особое внимание, уделяемое правам человека, и ценность отношений сохраняют важность в наше время точно так же, как и в 1813 году.

Введение

Д-р м. н. Ричард Хантер, д-
р м. н. Ида Макалпин (1964 г.)

Жизнеописание

Сэмюэль Тьюк родился 31 июля 1784 года. Он был вторым ребенком Генри Тьюка и Мэри Марии Скотт и их единственным сыном, дожившим до зрелых лет. Тьюки принадлежали к «бюргерскому сословию», их имя впервые упоминается в Йорке в XVII веке, когда их предок попал в тюрьму за то, что принял квакерское вероисповедание. Уильям (1732—1822), дед Сэмюэля, основавший семейную компанию по оптовой торговле чаем и кофе, основал также и Ретрит, которому сам он, его сын Генри (1755—1814) и внук Сэмюэль посвятили свои жизни, в дополнение к прочим многочисленным религиозным и филантропическим трудам.

О своем отце Сэмюэль писал, что тот «был человеком здорового и ясного ума, обладавшим значительной внутренней силой. ... Темперамента он был добросердечного и сангвинического, с легким оттенком меланхолии»; а вот что он писал о матери: «Никогда еще не бывало столь нежной связи

между родителем и ребенком. Она была чрезвычайно заинтересована в создании Ретрита, и именно она дала ему имя... чтобы выразить их представление о том, каким должно быть такое учреждение: местом, в котором несчастные могут получить убежище – тихой гаванью, в которой каждая разбитая ладья может обрести средства к починке или безопасность»⁴.

О себе Сэмюэль писал следующее: «Я был болезненным ребенком с изрядной нервной слабостью, обостренной чувствительностью к телесной боли, и был подвержен ярким религиозным влияниям». Мать называла его «милым, исполненным гармонии Сэмюэлем». Он начал учиться в школе Друзей для девочек в Йорке, основанной дедушкой и бабушкой Тьюками; в возрасте восьми лет его отправили в квакерскую школу в Акворте, в создании которой также принял участие Уильям Тьюк, а в 1795 году – в школу Джорджа Блексленда в Хитчине. Вернувшись домой в 1798 году, он хотел по стопам отца отправиться в Эдинбург изучать медицину. «Нет никаких сомнений в том, что многие из его умственных отличительных черт особенным образом указывали на его соответствие медицинской профессии», – писал его сын Дэниель. Вместо этого, ему пришлось заняться делами семейной компании, где «по всей видимости, он вскоре приобрел деловые навыки и усердно исполнял обязанности,

⁴ Это название было принято Обществом в 1793 году и звучало следующим образом: «Ретрит для лиц с расстройствами рассудка», или просто «Ретрит».

возлагаемые на него»⁵.

В 1807 году он впервые продемонстрировал стойкую независимость и убежденность в собственном предназначении, когда от имени Уильяма Тьюка и Компании он пожертвовал 50 фунтов на издержки избирательной кампании Уильяма Уилберфорса, не проконсультировавшись предварительно со старшими, уехавшими в Лондон. «Смелый шаг Сэмюэля, – писал Генри Тьюк, – поверг в некоторое удивление

⁵ Дэниель Хэк Тьюк (1827—1895), врач, учился в Гейдельберге, член Королевского колледжа врачей, редактор мемуаров своего отца и первый в семье, ставший профессиональным медиком. Прежде чем начать изучение медицины в больнице св. Варфоломея в Лондоне в 1850 году, он два года работал секретарем и управляющим хозяйством Ретрита (1847—1849). Эта должность была введена после принятия в 1845 году «Акта об упорядочении лечения и ухода за умишенными», содержавшим требование к наличию медицинского образования у главного врача-резидента (первым таким в Ретрите стал д-р Джон Турнем). В 1854 году он стал внештатным врачом в Ретрите, а позже также и в Диспенсари Йорка и лектором по психическим заболеваниям в Школе медицины в Йорке. В 1858 году вместе с сэром Джоном Бакнилом он опубликовал «Руководство по психологической медицине». Книга сразу же стала общепринятым учебником, и в 1879 году вышло в свет четвертое издание. Слабое здоровье вынудило его отойти от дел в 1861 году, тогда же пришел конец тесной связи Тьюков с их Ретритом. Вернувшись к работе в 1875 году, он осел в Лондоне в качестве врача-консультанта по психическим заболеваниям и лектора в больнице Чаринг-Кросс. Он был одним из основателей Ассоциации по реабилитации, со-редактором «Журнала ментальных наук» (Journal of Mental Science) и президентом (Королевской) Медико-психологической ассоциации, 1881 год. В 1882 году он опубликовал свой классический труд «Страницы истории душевных болезней на Британских островах», а в 1892 году – «Словарь по психологической медицине», для участия в котором собрал созвездие специалистов из разных стран, и который остается наилучшим путеводителем по всем аспектам психиатрии конца XIX века.

как его деда, так и меня... Обычно Друзья не склонны одобрять подобного рода вмешательство [в политические дела]». Но вскоре, из-за остро обозначившейся проблемы борьбы с рабством, они все приняли активное участие в предвыборной кампании, и годы спустя Уилберфорс говорил о «своем старом друге м-ре Тьюке – он второй Уильям Пенн; в действительности их даже трое друг за другом».

14 июня 1810 года он женился на Присцилле, старшей дочери Джеймса Хэка из Чичестера, которая родила ему двенадцать детей. Свою жизнь он посвятил вере, семье, коммерческой деятельности и улучшению условий жизни бедных, больных и угнетенных. Его благотворительные интересы простирались от бесплатного диспансера в Йорке и больницы до Общества верующих служанок, от антирабовладельческого движения до оказания помощи Ирландии и эмансипации католиков, от народного образования до тюремной реформы, от обществ взаимопомощи до движений трезвенников. Но, живя в атмосфере Ретрита, который и сам был семейным предприятием, он целиком и полностью отдавал себя призрению умалишенных и состоянию их здоровья.

Первая запись в его дневнике, посвященная данной теме, была сделана в октябре 1810 года:

Имею намерение собрать все знания, какие только смогу, по теории безумия, лечению безумцев и строительству приютов для умалишенных. С этой целью предполагаю собрать и сравнить

предпочтительнее факты, нежели книги. А также воспользоваться любой возможностью достоверно установить состояние неимущих умалишенных в тех местах, где я могу оказаться во время своих поездок, и предоставить отчеты вместе с теми, которыми я уже располагаю, издателю «Филантропа».

Он уже был знаком с работами Джона Локка, Дэвида Хартли, Томаса Рэйда, Дугалда Стюарта и с Комментариями к законам Англии Блэкстоуна, каждая из которых занимает свое место в истории психиатрии.

Описание Ретрита

Подготовка

3 января 1811 года Тьюк сделал в дневнике важную запись: «По настоятельной просьбе отца моего приступил я к попытке создания истории и общего описания Ретрита. Такое свидетельство весьма потребно. Я не смогу воздать ему должное (если вообще способен буду сделать это), не посвятив этому занятию большую часть своего свободного времени, а посему намереваюсь умерить внимание, уделяемое в настоящее время ивриту, а читать авторов, пишущих о душевных болезнях». Четырьмя днями позже он отобрал «выдержки из Пинеля», используя перевод Дейвиса 1806 года, «пригласил Джорджа Джепсона [главного врача Ретрита] к обеду, и мы вели долгий разговор о предмете безумия». Он набросал разделы «о моральном лечении в Ретрите» и «о медицинском лечении и диете»; начал читать «Д-р Кричтон о безумии»⁶; отметил, что «в Лидсе и Скарборо умалишенные бедняки не получают достаточного обеспечения»; взялся за «Очерк о безумии» д-ра Хаслама и вернулся «к работе Кричтона во второй раз».

В марте он написал «Очерк о состоянии умалишенных

⁶ Сэр Александер Кричтон «Исследование природы и происхождения душевных болезней» (An inquiry into the nature and origin of mental derangement), 2 тома, 1798.

бедняков», появившийся в «Филантропе; или Хранилище рекомендаций и предложений, рассчитанных на способствование утешению и счастью человека»⁷ (1811, I, 357—360):

Намерения, исповедуемые покровителями «Филантропа», уверили меня в том, что положение умалишенных бедняков в нашей стране является темой, которую не сочтут несовместной с общим направлением их благого предприятия. ... К сожалению, внимание публики никогда должным образом не привлекалось к мученьям, которые наши неимущие собратья, страдающие под гнетом великого несчастья – душевного расстройства, так долго переживали, и от которых продолжают страдать и по сей день.

Он описал «случайный визит в работный дом в городе на юге Англии» – возможно Чичестер, где жили родители его жены. И там он увидел душевнобольных, лежащих зимой в сарае на соломе. Единственный доступ света и воздуха – через железные решетки на дверях. Свой небольшой очерк он завершил сожалением, что графствам не поступило распоряжений обеспечивать дома для умалишенных необходимым: «Разве закон [Закон Уинна от 1808 года] не мог бы обязать, а не просто разрешить обеспечивать подходящее размещение умалишенных бедняков?» Эта мера была введена

⁷ Этот журнал издавался с 1811 по 1817 год. Он был основан и редактировался квакером, филантропом и ученым Уильямом Алленом (1770—1843), членом Товарищества Королевского общества, лектором по химии в Госпитале Гая.

в действие только Законом от 1845 года.

Тогда же он получил запрос и отослал «некоторые наблюдения для тех американских Друзей, кто предлагает создать дом для умалишенных, о лечении страдающих от этого недуга, опираясь на опыт Ретрита». Его сообщение «привлекло значительное внимание... и было опубликовано в журнале Филадельфии». Описывая лечение, он уточнял, что «кровопускание и прочие слабительные оказались вредоносными, а посему не используются, за исключением случаев, когда их необходимость предписана состоянием телесного габитуса; однако зачастую прибегаем к использованию медицинских банок». В этой связи можно заметить, что постепенный отказ от старинных методов лечения был ускорен, поскольку опыт Ретрита свидетельствовал, что без них состояние пациентов улучшалось быстрее. Интерес со стороны существенным образом вдохновлял Сэмюэля Тьюка на продолжение работы над книгой.

В октябре он проделал достаточную подготовительную работу к написанию «истории Ретрита, к которой я сейчас намереваюсь приступить». К этому времени постоянно возрастало число посетителей, прибывающих для изучения его методов, например, заметка «Моррис и его супруга, взявшие на себя обязательство по руководству лечебницей для душевнобольных в Ноттингеме, и в настоящее время изучают надлежащий способ лечения в Ретрите. Молодой человек из Ирландии (Джон Аллен), который, вполне вероятно, будет

заведовать ирландским Ретритом, тоже здесь со сходным поручением. Это дает нам надежду на то, что дела наши принесут некоторую пользу и за пределами круга нашей собственной деятельности» показывает, насколько мало Тьюки осознавали, что они открывают новую эру. «Ранние провозвестники... следовали своему вызывающему восхищению курсу с простотой, граничащей почти что с неосознанностью того, что они вершат», – писал Сэмюэль Тьюк об этих героических годах в своем обзоре ранней истории Ретрита, приобщенном к пятидесятому докладу 1846 года.

Первым американским врачом, посетившим Ретрит, был Джон У. Фрэнсис из Нью-Йорка, который написал в книге посетителей 30 ноября 1815 года:

Дж. У. Фрэнсис отнюдь не находится в полном неведении о состоянии приютов для умалишенных в Северной Америке, и он посетил почти все учреждения для душевнобольных... в Англии. В настоящее время он пользуется возможностью заявить, ... что данное заведение намного превосходит все учреждения подобного рода, которые ему довелось когда-либо видеть, и что оно в равной степени отражает мудрость и человеколюбие его руководителей. Возможно, не покажется неуместным выразить свое почтение, добавив, что учреждения подобного рода и по тому же плану организуются в разных частях Соединенных Штатов. Новый Свет не может сделать лучше, чем подражать старому в том, что касается

работы с теми, кто мучается помешательством.

28 декабря Сэмюэль «закончил №1 истории Ретрита» – предположительно первую главу. Он продолжил читать «Практические замечания о невменяемости, к которым добавлен комментарий о препарировании мозга маньяков» Брайана Кроутера от 1811 года и «Сумасшедшие дома. Замечания по Закону об управлении сумасшедшими домами» Джеймса Паркинсона от 1811 года. Оба эти труда только появились. Затем он прочитал раздел «О безумии» в «Историях болезни и размышлениях» Джона Ферриара, 1795 года, том 2, и «Д-ра Беддоуса»⁸, откуда он «сделал выписки по диете, теплой ванне и пр.» Среди других текстов, прочитанных им, были описания архитектуры лечебницы, составленные Уильямом Старком и Робертом Ридом, оба они были среди первых посетителей Ретрита, Доклад о работе специального комитета, которому было поручено произвести исследование того, в каких условиях содержатся умалишенные, от 1807 года, и «Трактат о безумии» Уильяма Бэтти, а также и «Заметки о Трактате доктора Бэтти» Джона Монро, обе публикации появились в 1758 году.

В начале 1812 года он был «слишком занят коммерцией, чтобы продвинуться в работе», но к апрелю вернулся к своему занятию: «Читаю доктора Арнольда о безумии»⁹. В мае он

⁸ Предположительно «Hugëia: или опыты моральные и медицинские», 1802—1803, 3 тома.

⁹ Предположительно Томас Арнольд «О сущности, подразделениях, причинах

свел воедино «основную часть главы о моральном лечении безумия в Ретрите», и к тому же внес туда описание убийства Спенсера Персиваля сумасшедшим – событие, на которое его отец, бывший с визитом в Палате Общин, опоздал на полчаса.

В течение того же года он посетил Лондонскую больницу св. Луки для душевнобольных, чтобы обсудить «гуманную систему» с Томасом Данстоном, директором или главным врачом. Тьюк полагал, что Данстон, «сделав всего несколько шагов на пути к совершенствованию... успокоился на этом... Г-н Данстон заметил, что «вы в Ретрите заводите доброе отношение слишком далеко», и выразил уверенность в том, что «страх» остается «самым эффективным принципом, с помощью которого безумца можно привести к благонравному поведению». Естественно, Тьюку не понравились ни это мнение, ни само здание, которое выглядело «совершеннейшим местом заключения».

В июне он начал работу над предисловием, но на окончание этой работы у него ушло три месяца. В итоге он составил главу «Таблица и список историй болезни».

В марте 1813 года он отослал первую часть своей рукописи в печать, а 8 мая – в тот год ему исполнилось всего 28 лет – он с гордостью писал: «Получил из типографии экземпляр „Описания Ретрита“. К созданию этого труда я приступил, будучи под влиянием глубокого сочувствия к стра-

даниям умалишенных. Их недуги часто представляли передо мною в моем уединении пред Господом... И да поможет мне Бог в несовершенных моих стараниях пробудить общественное сострадание к ним!» И ОН помог.

Тьюк знал, к чему стремился: «Возвышенной целью моей публикации было снабдить фактами тех, кто лучше, нежели я, способны употребить их для общего блага. Великодушные благотворители в разных местах довольно давно не испытывали удовлетворения от системы руководства, обычно применяемой; но милосердная теория был бессильна пред практическим опытом», – то есть, до тех пор, пока его книга не продемонстрировала, как это можно сделать. Но он также знал и силу реакции:

Те, кто стремятся изменить недостойные обычаи, обнаружат самых могущественных противников среди тех, кто похвально преимуществом накопленного опыта, и чье положение, как им представляется, дает наибольшее право решать о полезности перемен. К несчастью, обычный порядок вещей производит безразличие к самым ужасающим порокам. Нечувствительность сильнее сочувствия, и глас выгоды звучит громче голоса благоразумия.

Перспектива избавления умалишенных от жестокого обращения, неправильного лечения, цепей и голодания легче нашла отклик в сердцах общественников-реформаторов и гуманистов, нежели среди лично заинтересованных держа-

телей сумасшедших домов, как врачей, так и лиц, не имеющих медицинского образования с более ограниченными взглядами. Преподобный Сидни Смит, например, к тому времени поселившийся в Хеслингтоне в миле от Ретрита, написал прекрасный отзыв на книгу Тьюка в «Эдинбургском Обозрении» (1815 г., 23, 189—198):

Появлением настоящего отзыва мы обязаны м-ру Тьюку, уважаемому чаоторговцу из Йорка... Длинный отчет о пожертвованиях в начале книги очевидным образом затянут и предназначен для распространения среди квакеров; также м-р Тьюк слишком склонен к цитированию. Но за этими незначительными исключениями, книга делает ему превеликую честь; она преисполнена здравомыслием и человеколюбием, чувством справедливости и рационалистическими взглядами. Ретрит для умалишенных квакеров расположен приблизительно в миле от города Йорка, на возвышенности, с которой открывается вид на всю округу, среди садов и полей, принадлежащих заведению. Основным принципом, на котором, по всей видимости, основывается проводимая там работа, является доброта к пациентам. По их мнению, если человек помешан на каком-то одном конкретном предмете, то его не следует считать пребывающим в состоянии полной умственной деградации или же неспособным ощущать чувства доброты и благодарности. Если сумасшедший не делает того, что ему велено делать, само собой разумеется,

самым простым будет поколотить его; а цепи и связывание – разновидности запретов, которые игнорируются менее всего. Но Общество Друзей представляется более заинтересованным в благе пациента, нежели в удобстве его зрителя; и стремится к управлению умалишенными, создавая у них самое доброжелательное расположение к тем, кто призван над ними начальствовать. И нет ничего более благоразумного, человеческого или же вызывающего интерес, нежели пристальное внимание к чувствам их пациентов, которое, судя по всему, преобладает.

Он был убежден, что работа Тьюка «постепенно принесет популярность более мягкому, более совершенному методу лечения душевнобольных».

Именно таким и мог бы быть медленный ход развития истории, если бы она не получила решительный толчок, причиной которого стала реакция на книгу со стороны местных врачей, и той огласки, которая последовала за этими событиями. Оскорбленной стороной выступил сосед Тьюка, д-р Чарльз Бест, врач Йоркского приюта. А вот каким образом д-р Бест из обвинителя превратился в обвиняемого, и как разоблачение ужасных злоупотреблений в приюте привлекло группу лондонских благотворителей, вдохновленных делами своих йоркширских друзей, к расследованию условий столичных приютов и обнаружению жутких примеров дурного обращения в Бетлемской больнице, и как эти скандалы привели к масштабному парламентскому расследованию

1815—1817 годов, заложившему основу новой эры психиатрических лечебных заведений – все эти события составляют захватывающую главу в истории общественных институтов.

Йоркский приют для умалишенных

Приют в Йорке, рассчитанный на 54 пациента, был одной из лечебниц для душевнобольных, которые открылись в Англии во второй половине XVIII века вслед за больницей Св. Луки (1751 г.) на средства, собранные по подписке. Он был основан в 1772 году и открылся 1 сентября 1777 года. Движущей силой всего предприятия был д-р Александер Хантер, работавший там врачом¹⁰. В «Искреннем обращении к доб-

¹⁰ Александер Хантер (1729—1809), доктор медицины, учился в Эдинбурге, член Королевского общества Лондона и Эдинбурга, был хорошо известным врачом в Йорке, а также считался замечательным специалистом по сельскому хозяйству и славился как писатель. Благодаря опыту работы в Йоркском приюте он стал крупным специалистом по строительству «психиатрических больниц». С ним советовался Томас Арнольд, когда такое строительство планировалось в Лестере, а сэру Джорджу Полу из Глостера он посоветовал, что «лечебница для умалишенных всегда должна быть отдельным и независимым благотворительным учреждением; объединение ее с больницей противоестественно» (Протокол заседания, посвященного организации приюта для умалишенных общего профиля недалеко от города Глостера, 1796 год). Джеймсу Карри из Ливерпуля он также высказал свои предпочтения «учреждению, стоящему особняком за городом, хотя и недалеко от него». Вероятно, именно благодаря Хантеру, более чем кому-либо другому, в XIX веке так много приютов для умалишенных были построены отдельно от больниц общего профиля и в стороне от городов – обстоятельство, в значительной степени способствовавшее изоляции и отставанию психиатрии. Только сейчас эта тенденция активно пересматривается и заново продвигается объединение больниц общего профиля с психиатрическими лечебницами. Именно такой подход отстаивал Карри, не соглашаясь с мнением Хантера в 1790 году, когда добавил крыло для душевнобольных к больнице в Ливерпуле по модели манчестерской больницы, к которой в 1766 году присоединили лечеб-

росердечной общественности» (1777) он выступил с просьбой о предоставлении дополнительных средств для завершения здания, объясняя это тем, что «в законодательстве не содержалось никаких отдельных положений касательно умалишенных, при том, что обычные приходские работные дома и исправительные дома никоим образом не были приспособлены для их приема, будь то размещение, уход или медицинская помощь». К тому же «в королевстве имелись только две больницы общего профиля для приема умалишенных»: Бедлам и больница Св. Луки – обе в Лондоне, и «большие расходы на перевозку безумцев» туда «из северных частей королевства» и неопределенность в том, примут ли их, делали особенно важным обеспечение оказания таких услуг на месте. Кроме того, «не последним соображением наших патронов... стало то, что помощь можно будет предоставлять лицам, находящимся в стесненных финансовых обстоятельствах, страдающим от... потери рассудка, у которых нет места, куда бы они могли удалиться, кроме как в частный сумасшедший дом, где лечение имеет неплохую вероятность на то, что будет затянута ради выгоды корыстного смотрителя».

В 1784 году в Приюте произошли структурные изменения, которые позволили принять ряд пациентов «высшего

нищу для психических больных. Интересно отметить, что, благодаря этому шагу, лечебницы для умалишенных стали приютами для умалишенных, и что только возврат к объединенным больницам в наши дни вернул также и название «психиатрическая больница».

или же зажиточного класса» с оплатой выше номинальных восьми шиллингов в неделю. Полученный излишек предполагалось использовать для уменьшения выплат тем, кто не мог позволить себе даже минимальную оплату». Сначала Хантер был назначен «без жалованья или вознаграждения... до тех пор, пока больница будет принимать только бедняков или лиц из малоимущих слоев населения в стесненных обстоятельствах, согласно исходному замыслу благотворительного заведения». Однако впоследствии, в 1785 году он был наделен правом брать «вознаграждения за свою профессиональную деятельность в разумном размере» с пациентов, которые «в другом месте были бы его собственными частными пациентами». Когда двадцать лет спустя проводилось расследование работы Приюта, обнаружилось, что таким образом открылась возможность для пренебрежения неимущими пациентами и хищения денежных средств, мошенничества, которое скрывали от попечителей с помощью хитрых махинаций: вся бухгалтерия велась в двух экземплярах – один экземпляр, открытый для проверки, а другой показывал реальные денежные поступления и сколько из них шло в карман врача. По самым скромным подсчетам, сумма, украденная из благотворительного учреждения, составила более двадцати тысяч фунтов.

В 1788 году несколько жертвователей выразили тревогу по поводу того, что «Приют превратился из общественно-благотворительного учреждения в отель для приема лиц

с определенным общественным положением», и при доминирующем положении врача над попечителями. Они также возражали против системы взимания с прихожан полной платы за ремонт и содержание, одновременно снижая плату для неимущих пациентов, не получающих в приходе пособие по бедности, в результате чего в доме находились всего лишь шесть приходских бедняков. На этот упрек Хантер ответил, что «если платежи от приходских бедняков уменьшатся... дом незамедлительно и чрезвычайно удручающе заполнится ничтожнейшими из ничтожных и презреннейшими из презренных».

В 1791 году произошел прискорбный случай, который хотя и был «по всей видимости самым заурядным, ... тем не менее оказался достаточно примечательным по последующему за ним событию. ... В Приют поместили женщину из Общества Друзей; поскольку семья ее проживала в значительном отдалении, они обратились с просьбой к знакомым навестить ее. В этих посещениях... им было отказано на том основании, что пациентка была не в подходящем состоянии, чтобы встречаться с незнакомцами – и через несколько недель после поступления смерть положила конец ее страданиям. Это... впервые натолкнуло квакеров на мысль об уместности попытки создать заведение для лиц из своего общества». Тогда же последовала еще одна попытка инициировать расследование, что привело только к дальнейшему усилению владычества Хантера.

В декабре 1804 года Хантер взял в ученики Чарльза Беста, которому предстояло стать его преемником и в Приюте, и в частной практике. Хантер начал учить его следовать своему примеру и даже раскрыл секреты «способов приготовления разных лекарств, столь успешно используемых, ... состав которых... неизвестен никому», кроме него самого. Это были конечно, старые «порошки для душевнобольных» или «противоманиакальные препараты», рвотные, слабительные и потогонные средства, на которых столетиями делалось так много денег, и с помощью которых обманывали и убивали больных. «Существуют веские основания полагать, – писал Сэмюэль Тьюк в 1846 году в своем «Обзоре ранней истории Ретрита», – что медицинская практика в этом заведении, состояла... из рутинного применения сильнодействующих слабительных и рвотных препаратов в виде зеленых и серых порошков; и – что эти средства шли на пользу отнюдь не только обитателям Приюта – секретные лекарственные средства этого врача, как панацея для излечения расстроенного разума, продавались его агентом в городе, и через него, в большей части Йоркшира и на севере Англии». Естественно, «основатели Ретрита, презирая притворство и обладая чрезвычайной твердостью характера», когда пришло время, «отказались от предложенных услуг опытного внештатного врача из Приюта» и вместо этого назначили д-ра Томаса Фаулера, который вряд ли стал безучастно следовать по стопам авторитетов, и который посредством собственных исследований

уже сделал кое-что, дабы способствовать укреплению истинного доброго имени врачебного искусства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.